

УДК 141.32

С.В. Ефимова доцент, канд. филос. наук

Омский институт (филиал)

Российского государственного торгово-экономического университета

ул. 10 лет Октября 195, корп.18, г. Омск, Россия

E-mail: efimova-sv@yandex.ru

ПРАВДОИСКАТЕЛЬСТВО В СИТУАЦИИ ПОСТМОДЕРНА

Анализируется соотносительность форм правдоискательства с видами экзистирования в ситуации постмодерна. Автор связывает достижение подлинности бытия с идентичностью, с достижением трансцендирования.

Ключевые слова: *правдоискательство, экзистирующий человек, идентичность.*

Глобализация, провозглашающаяся как благо человечества, приводит к унификации и стандартизации, что в последние годы актуализирует проблему поиска идентичности. Человек вновь остается за пределами подлинного бытия, обнаружив проблему обретения «утраченного духовного состояния и человеческих форм знания, которые выходят за границы коммуникативной компетенции и аналитического разума» [1, с. 36].

Такое состояние разбалансированности приводит к необходимости обратиться к такой концепции действия, логика которой позволит понять, а возможно, и преодолеть эту проблему.

События почти тридцатилетней давности поставили под сомнение ценности социалистической реальности, сознание стремилось освободиться от диктата, как казалось, навязанных идеалов, что приводит к выхолащиванию одних ценностей и «привитие» других. Россия не избежала подобного процесса, начав с идеи «богатые тоже плачут», дошла до технологий «создай себя сам» и идеалов «рублевки». Сознание российского общества поразительно быстро усвоило постмодернистскую идею о множественности и фрагментарности бытия как блага, что позволяет выбирать действие и поведение по обстоятельствам.

В то же время ментальные основания призывают возвратиться к историческим духовным традициям, в которых пути развития человека определялись действиями Бога в рамках православной парадигмы. Извечный русский вопрос «Идти ли по западному пути или воссоздать утраченное былое?» вполне соответствует не только русской философской традиции, а соотносим с экзистенциальным поиском в целом. В рамках поиска возникают вопросы, ответив на которые, можно, вероятно, обрести самость и идентифицировать себя: что есть бытие подлинное и неподлинное? какое из них реализуется? как приблизиться к подлинному бытию?

Подлинность бытия, по мнению Э.Фромма, формируется как «Быть» в отличие от неподлинного бытия «Иметь» [2]. Трансформация «быть» и «иметь» в состоянии постмодерна приобретает ряд особенностей.

Первая характерная особенность неподлинного бытия заключается в его безличности, анонимности, в отсутствии индивидуальности, часто реализуется в понятиях «Все», «Некто».

В условиях неподлинной жизни существование человека становится идентичным поведению других, и вместе с элиминацией индивидуальных особенностей поведения исчезает индивидуальная ответственность. Человек в условиях неподлинного бытия перекладывает свою ответственность на других. И такого рода действия вполне логичны, ведь человек действует не сам, а как все, раз так, то и ответственность должна лечь на всех, пусть отвечают все, что равносильно отсутствию ответственности индивида. Вследствие этого второй особенностью неподлинного бытия выступает явление перекладывания своей ответственности на другого, на безликое «Все».

Неподлинная жизнь является абсурдным существованием: изо дня в день из года в год, все как всегда: «дом – работа – дом», «дом – учеба – ночная дискотека – ...» – День сурка.

Неподлинная жизнь отражена в понятии «экзистенция», неподлинная жизнь характеризуется анонимностью, элиминированием индивидуальности, перекладыванием ответственности с себя на безликого субъекта и, наконец, абсурдностью. Поэтому человек, находящийся в условиях абсурдного бытия, в экзистенции, стремится выйти за его пределы, т.е. экзистировать.

Философская теория экзистирования представляет собой комплекс методов, приемов, способов, используемых человеком для преодоления неподлинности бытия. Однако какой-либо единый, универсальный метод выхода человека за пределы своей экзистенции пока не обретен [3].

Первый вид экзистирования – это жизнь с мечтой о подлинном, собственном существовании. Но такой род экзистирования не способен вывести человека за границы неподлинности. Мечта способствует выживанию человека в условиях неподлинности, но не более того, мечтая о собственном неповторимом существовании, человек по-прежнему остается в границах Тотальной Неподлинности. Вырваться из этого состояния не представляется возможным. Вот почему А. Камю делает вывод, что

«есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства. Решать, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии. Все остальное – имеет ли мир три измерения, руководствуется ли разум девятью или двенадцатью категориями – второстепенно» [4, с. 24].

Другой вид экзистирования – бунт, направленный против неподлинного существования, в процессе которого рушится бытие или его ценностные основания. Бунт возникает спонтанно, часто неосознанно, ибо экзистирование – это сфера чувств. Бунт есть точка потери терпения, после чего мириться и терпеть прежнее состояние уже невозможно. Ничто не может в таком состоянии удержать: ни крушение прежней жизни, карьеры, не пугает даже возможность физического уничтожения. По существу бунт это разновидность самоубийства, но самоубийства «социального».

Формой экзистирования могут выступать и иллюзорные способы преодоления неподлинного существования, в частности, наркотики и алкоголь. Когда человеку становится тошно от жизни, он нередко напивается, и создается иллюзия подлинности его жизни. Но на самом деле – это форма бегства как от неподлинного, так и от подлинного существования.

Бегство от неподлинной жизни в никуда также можно назвать формой экзистирования. Человеку порой настолько тошно от неподлинной жизни, что он, ничего не понимая, срывается с места и уходит, не зная куда, но только чтобы не жить здесь и так. Экзистирующий человек часто действует неосознанно, в какой-то момент жизни вся его душа испытывает острое желание перейти границы своей неподлинности.

Экзистирование, таким образом, представляет собой методы и способы преодоления человеком неподлинного бытия, осуществляемые на чувственном уровне человеческой активности. Основными формами экзистирования выступают: уход в мечту-проект; опора человека на подлинные моменты и ситуации, содержащиеся в неподлинном бытии; нахождение человека в экстремальных ситуациях; бунт; иллюзорно-наркотические; бегство в никуда и другие.

Относительно российской ментальности можно видеть расщепление экзистенции на правду и кривду [5].

Главной основой подлинного бытия в российской традиции являлась Правда. Россию часто называли страной правдоискателей. В контексте наших рассуждений определим, что мир Правды и есть подлинное бытие. Восходит формирование смыслов правды к эпохе Киевской Руси, когда правда выступала как закон, это проявилось в известном документе славянского права «Русская Правда». Смысл правды был связан с представлениями о справедливости в самом широком смысле. Изначальный смысл понятия «правда» предполагал наличие некоей силы, превосходства (духовного или материального) у того, кто ею обладал. Безусловно, христианские взгляды достаточно сильно повлияли на становление данной основы подлинного бытия. Именно оттуда проистекает традиция, где Правда связана с идеей личных отношений Бога и людей, которые реализуются через систему определенных действий. Бог действует праведно, являя свое милосердие людям, а люди праведны, выполняя Божественные заповеди [6]. Именно это приводит к пониманию Правды как некоего нравственного закона, а не правовой нормы, как в более раннем периоде истории. Такие смыслы приводят к идее, что наполненность правды не может быть только духовной, нравственной, но и предполагает некое деятельное начало, которое должно ее проявить или выстроить. Практически традиция обращения к Правде требует рефлексии в отношении бытия и осознанности деятельности в сохранении Правды в себе – Правды Божьей, с соотношением ее с Божественной Правдой – абсолютной, то есть идеальным состоянием, что и представляется как подлинное бытие. Изменения в русском православии от восприятия веры как поступков и обязательного соблюдения внешних атрибутов до понимания веры как внутреннего состояния, позволяют избежать усиления субъективных воззрений и соответствующих им трактовок правды. Правда, стоящая в сознании православного человека перед верой, определяет и особенности спасения как эсхатологического акта, выход из неподлинного бытия. Следствием противоречивости и отсутствием рациональных систем в русской философской мысли является известное деление правды на правду-истину и правду-справедливость.

В российской философии XX в. выделяются следующие традиции: 1) традиция русской религиозной философии, которая разделяет правду и истину, признавая за ними божественный источник. Правда раскрывает многообразие духовной нравственной жизни, является внутренним самоощущением, тем жизненным стержнем, который позволяет осознать смысл жизни; 2) традиция марксистско-ленинской философии, которая отождествляла правду с истиной, рассматривая последнюю как правильное, адекватное отражение предметов и явлений действительности познающим субъектом.

Но люди, утратившие Правду, могут ее вернуть. Следствием этого возможно выделение признаков, которые указывают на поиски правды и черты, характерные для искателей Правды. Основываясь на православной парадигме, где правда рассматривается как некоторое откровение, которое дается избранным, предполагается, что будущие носители правды должны обладать характерными особенностями. На основании религиозных источников выявляются условия формирования такого типа:

праведность; приверженность духовной жизни, а не плотской; часто это человек, совершающий подвиги, которые могут быть различны: мучения за веру (т.е. идею), презрения окружающих и стойкость в своих позициях и т.п. Надо также отметить и то, что смертным, т.е. земным, людям неизвестно, кто является истинным правдоискателем. Проблема заключается в том, чтобы отличить правдоискателя и лже-правдоискателя.

Следующим важным моментом при определении феномена правдоискательства является осознание личностью или группой людей несоответствия реальной действительности представлениям о том, что есть правда.

Таким образом, третьим компонентом правдоискательства является наличие идеала, который необходимо приблизить. В христианской традиции сложились два таких образа. Либо это хилиастический и трансцендентно-спиритуалистический образы, тесно связанные с представлениями о 1000-летнем царстве Божьем на земле или о небесном граде, либо этот идеал имеет земные основания, но также рассматривается через призму отношений Бога и людей.

В народном осмыслении подвижниками Правды являются святые. Святым надлежало судить «правду» и «кривду», что требовало от них разрыва с превратным миром насилия, эксплуатации, всяческой «неправды». Отсюда отшельничество, «пустынничество» [7, с. 74]. То есть имманентность правды субъекта поддерживается отражением ее в субъектах-носителях Правды в реальной действительности. Там, где царит Правда, труд вознаграждается, население свободно, миролюбиво, лишено пороков и т.п. С культом святых связан культ «блаженных и юродивых». Говоря о том, что юродивые являлись самыми последними в списках святых, различают в них две стороны – «аскетическое самоуничижение» (пассивная сторона) и «ругание миру» (активная сторона), то есть обличение пороков мира. Пассивная сторона связана с умерщвлением плоти, при этом особенностью юродивого является нагота. «Гол да наг перед Богом прав» – гласит народная мудрость. Юродивые как раз и несли эту «нагольную правду». Именно «аскетическое самоуничижение» юродивого дает ему моральное право «ругаться горделивому и суетному миру». Но при этом он не призывает к переменам, он обличает людей, а не обстоятельства.

Следует обратить внимание на то, что юродивые могли как до, так и после подвига юродства обретать монашеский чин. Это указывает на сопоставимость монашеского подвига и юродства. Юродство и самозванство как формы правдоискательства располагаются на границе между святостью и старчеством, с одной стороны, и светскими формами правдоискательства – с другой.

Особо стоит рассмотреть в правдоискательстве образ самозванцев, коих на Руси было немало. Типы самозванца и святого противоположены, если у самозванца отсутствует мистически полученное предназначение. Рассмотрение самозванства в качестве разновидности правдоискательства возможно только тогда, когда самозванец, получивший откровение сверху, приобретает новую самость и полностью включается в нее. В этом случае реальность выдуманного мира и образа превращается в реальность явную, личность вживается в образ настолько, что не разделяет самость и образ-личину, но тогда пропадает и момент самозванчества. Человек себя ощущает реальной личностью, чей облик он принимает, но тогда он принимает на себя и всю скорбь мира сего и разделяет жестокую судьбу, даже если приходится идти на смерть, и идет до конца, становясь порой мучеником (Лжедмитрий I). Если в первом случае мы имеем дело с явно выраженной формой неподлинного бытия, то второй – явное проявление правдоискательства и наличие идеала Правды.

Поиск Правды соотносим с формами экзистирования, но если святые, юродивые – опоры человека на подлинные моменты и ситуации, содержащиеся в неподлинном бытии, то нигилизм – бунт, утопии – мечта-проект и т.п.

Нигилизм, один из очень распространенных феноменов общественной жизни России, явился теоретическим и идеологическим обоснованием терроризма. Появлялся некий особенный тип человека с представлениями о правде и попытками претворить идеал в жизнь, разрушить несоответствие реальности.

Можно говорить о нигилизме и как о явлении русском, первоначально проявившемся в дворянской среде как особый образ жизни: поступать совершенно неожиданно, при этом нарушать правила ... в пределах правил. Однако в дальнейшем происходит перерождение, при котором выйти за рамки приличия считалось высшим проявлением индивидуальной свободы.

Впоследствии такое поведение перерастает в нигилизм, а потом – в терроризм. Свойствами, присущими нигилистической среде являются ярко выраженный догматический материализм, презрение к обывателю и полное отсутствие желания ему понравиться, ненависть к современному обществу, его культуре, морали. Нигилизм с точки зрения самих нигилистов есть мировоззрение, в котором, не имея возможности переделать мир, в область мысли вымещается человеческое бессилие: там ничто не останавливает разрушительной критической работы, суеверия и авторитеты разбиваются вдребезги, а мировоззрение совершенно очищается от разных призрачных представлений.

Радикальное отрицание очень часто стремится выступить в ореоле борьбы за светлое будущее как нечто совершенно необходимое для процесса прогрессивного развития. При этом, по словам С.Л. Франка, страсть к устройению рая на земле превращается в страсть разрушения [8].

Формально в нигилизме, а затем и в терроризме мы наблюдаем такие черты, как неудовлетворенность существующей реальностью, попытка героическими усилиями довести до общества свои убеждения, используя собственный образ. Практика террора – это отказ от попыток логического убеждения общества в правильности своего образа мыслей. Тип нигилиста и террориста – тип экзистирующего человека, не способного выйти из Тотальной Неподлинности. Противоречие заключается в том, что террор является средством убеждения, но направлен часто против тех, кто должен принять соответствующий образ мыслей. Из этого возникает необходимость создать такой образ террориста, который бы привлекал к себе внимание. Образ этот должен быть не только устрашающим, но и привлекательным. Именно этот привлекательный образ был создан как образ человека, обреченного обществом на подобное проявление своего негодования. Привлекательность облика как бы подчеркивает подлинность того мира, за который борется террорист, ведь имманентность неподлинного бытия должна быть обличена, вскрыта и уничтожена (руками террориста). Но как быстро рассеивается ореол геройства и мученичества во имя добра, когда родные жертвы по-христиански жалеют и прощают террористов, раскрывая тем самым их сущность убийц.

Так, историческим преемником нигилизма XIX в. в веке XX становится такая форма духовной оппозиции, как диссидентство. Появление такой формы «интеллектуального, духовного и нравственного сопротивления» [9] связано с тем, что люди, выросшие в советском обществе, пришли в противоречие с идеологией и психологией отцов. Происходило сопротивление унификации мысли и ее омертвление в советском обществе, а единственный выход из подобного положения дел виделся в обретении независимости мысли, отказ от пассивного принятия действительности и переход к самостоятельному осмыслению ее.

Феномен правдоискательства, можно определять, как попытку указать на бытие неподлинное. Феномен правдоискательства, представленный носителями знания о правде, вырабатывает стратегии реакций на существующую реальность, которые провозглашают либо смирение, либо компромиссы, либо уход от реальности. Уход этот может осуществляться как поиск такого пространства, где существующая реальность не имеет силы (старообрядцы, которые уходили в леса и недоступные для царской власти местности). Либо крайний вариант – смерть как избавление от проблем существующей реальности и обретение божественного царства (коллективное самосожжение).

Поскольку феномен правдоискательства проявляется через субъект в его конкретных действиях и идеях, то наблюдается именно процесс многократного усиления одних неудачных, незавершенных либо ошибочных исполнений на фоне других. Сталкиваясь с несправедливостью мира реального, субъект находит способы, которые позволяют ему сохранить свои основные ценностные ориентиры: через систему терпения, подвижничества, существовать в этом мире или уйти из него (физически или через изоляцию). Выбор специфических способов субъектом будет зависеть от признания им либо Бога, либо Абсолюта, ответственного за Высшую справедливость.

Но в современном российском обществе наблюдаются две тенденции. В первой – Бог теряет свое глубинное назначение как инициатор и носитель Божественной Правды, указывающий на Правду мира, соотносимую с Высшими предназначениями человека. Место Бога занимают технологии, обещающие обеспечить «иметь», но при этом всегда декларирующие в будущем «быть»: Инсайт, технологии продаж, визуализация желаний и пр. Но мир подлинного бытия все же ускользает. В хорошо поставленной технологии «иметь», из цепи которой трудно, да и не всегда хочется выходить, можно переложить ответственность на технологов. «Иметь» есть результат иллюзорной свободы, в которой достигнутое вновь обостряет поиск подлинного бытия. «Я мысленно перебираю варианты и понимаю, что объективно нет такого места и таких людей, с которыми я бы хотел сейчас увидеться. Потому что сценарий всех возможных встреч с моими знакомыми в любых точках земного шара известен мне с точностью до ста процентов. Более того, все эти сценарии так или иначе уже воплощались в жизнь (некоторые не по одному разу), и никакой новизны они мне не принесут. Никакого душевного успокоения я не получу. Все места и все люди, коих я могу вообразить, мне неинтересны, как и я им, впрочем» [10, с. 343].

Крик экзистирующего человека – глас вопиющего в пустыне, стремление к свободе, в конечном результате дает лишь «иметь», в то время как «быть» достигается процессом поиска Правды, который и есть подлинное бытие – трансцендирование.

Смысл экзистенции в том, что, находясь в ней, человек чувствует танатальность своего существования и стремится вырваться из него. Экзистирующий человек разрушает неподлинное бытие. Экзистирующие люди кричат, обращаясь к человечеству, что оно погибнет, если будет по-прежнему опираться на ложные ценности.

Вторая тенденция – найти и обрести «Быть», но поскольку мы проводим корреляцию «Быть» и «Правда», то внутреннее имманентное состояние Правды определяет «Быть» через трансцендирование.

Трансцендирування, в отличие от екзистирования, указывает направление, более того, трансцендирующий человек уже знает новое, истинное бытие и направляется к нему. Можно даже сказать, что он уже находится в истинном бытии и призывает людей следовать за ним. Трансцендирующий человек находится в состоянии транс. Транс – иное состояние, чем-то, в котором мы обычно находимся. Человек, находящийся в транс, живет в ином мире, существует, как говорится, в ином измерении.

Если человек, находящийся в экстазе, кричит, то находящийся в транс – блаженствует. Экзистирующий человек, находящийся в экстазе, кричит о том, что он томится в неподлинном бытии. Трансцендирующий человек, находящийся в транс, блаженствует, ибо он достиг того истинного, настоящего бытия, о котором он мечтал, и зовет людей следовать за ним.

Состояние постмодерна – реальность экзистирующего человека, не способного к идентификации, но чувствующего ее отсутствие. Рефлексия по поводу глубинных состояний Правды и формирование на их основе целостной, но иной, а не фрагментарно-мозаичной картины мира – удел трансцендирующего человека.

Бібліографічний список використаної літератури

1. Козловский П. Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия техн. развития: пер с нем. / П. Козловский. — М.: Республика, 1997. — 240 с.
2. Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда / Э. Фромм. — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000. — 448 с.
3. Ефимова С.В. Антропологические основания библейских исторических эпох / С.В. Ефимова, С.Ф. Денисов. — М.: Наука, 2007. — 190 с.
4. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / А. Камю // Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. — М., 1990. — 415 с.
5. Смирнов С.А. Опыты по философской антропологии / С.А. Смирнов // Философские науки, — 1998. — № 3-4.
6. Знаков В.В. Психология понимания правды / В.В. Знаков. — СПб., 1999. — 158 с.
7. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н.А. Бердяев. — М.: Мысль, 1990. — С. 74.
8. Франк С.Л. Смысл жизни / С.Л. Франк // Вопросы философии. — 1990. — № 6. — С. 69–131.
9. Зубкова Е.Ю. От 60-х к 70-м: власть, общество, человек / Е.Ю. Зубкова // История Отечества: люди, идеи, решения. — М., 1991. — С. 350.
10. Минаев С. Духless: Повесть о ненастоящем человеке / С. Минаев. — М.: Транзиткнига, 2006. — С. 343.

Поступила в редакцию 12.04.2013 г.

Єфімова С.В. Пошук правди у ситуації постмодерну

Аналізується співвіднесеність форм пошуку правди з видами екзистирування у ситуації постмодерну. Автор пов'язує досягнення автентичності буття з ідентичністю, з досягненням трансцендирування.

Ключові слова: пошук правди, існуюча людина, трансцендентність, ідентифікація.

Efimova S. Truth searching in the postmodern situation

The article analyzes correlation between the forms of truth searching and kinds of existing in the postmodern situation. The author connects the achievement of being authentication with the achievement of transcendence.

Keywords: truth searching, existing person, transcendence, identification.